

Аркадий РАЙКИН: «БОРОТЬСЯ СО ЗЛОМ С ПОЗИЦИИ ДОБРА»

Скажу сразу, что «в миру» Аркадий Исаакович совсем не тот, каким его рисует себе восторженное зрительское воображение. Он похож, пожалуй, на ученого, поглощенного размышлениями о предмете своих исследований. Или на врача, может быть, который в пристальном изучении пациента видит главное условие исцеления от недуга.

Последнее впечатление и обусловило мой первый вопрос к Аркадию Исааковичу:

— Изучить «пациента» для вас, наверное, — это прежде всего выявить причины, которые вызывают у него моральные недомогания? Какую из них в таком случае вы считаете главной?

— Ну, конечно же, равнодушие. В нем — основное зло и источник многих бед. Есть люди, равнодушные ко всему, кроме себя. Равнодушие — причина страшных болезней, приносящих окружающим большие страдания, нарушающих нормальное течение жизни, мешающих плодотворному труду, коверкающих быт. Бороться с равнодушием к другим и с равнодушием к самому себе — главная задача сатириков и юмористов. Стоя в этой борьбе на позиции добра, они, по сути своей гуманисты, вместе с тем должны быть воинственны и непримиримы. Ведь их борьба благородна.

— Вы упомянули о равнодушии к самому себе. В чем это может проявляться?

— В том, что мы обычно называем обобщенно — мещанство. Оно, кстати, вовсе не есть что-то постоянное. Мещанство меняется, приспосабливается к новым условиям жизни, его подчас не сразу разглядишь. Оно обладает прямо-таки удивительной мимикрией. Вспомните атрибуты мещанства, когда с ним воевал Маяковский, — фикусы, салфеточки. «Скорее головы канарейкам сверните — чтобы коммунизм канарейками не был побит!» — призывал поэт в стихотворении «О дряни». На нынешнем этапе эволюционного развития мещанин в своем равнодушии к себе уже озабочен другой проблемой: раздобыть не канарейку, а такую должность, которая даст ему возможность вообще ничего не делать, но при этом хорошо получать.

Нравнодушие к себе, по логике вещей, смыкается с равнодушием ко всему остальному. Отрицательные герои вообще становятся нахальнее, циничнее, но вместе с тем осмотнительнее. Работая над такими образами, нельзя не принимать все это во внимание, иначе не будет узнаваемости и, следовательно, ослабится действенность сатиры. Самое страшное для хама и бюрократа, когда он встречается с умелым и решительным противодействием.

Я прошу Аркадия Исааковича привести примеры, которые могли бы послужить темой для сатирика. Это поможет нам лучше представить творческий метод такого подхода к явлениям и характерам.

— Чем отличается умный директор от неумного? Умный руководитель предприятия вывешивает на доску почета имена и портреты лучших людей своего коллектива в определенные дни, скажем, накануне Октябрьских торжеств или перед Новым го-

дом. Это производит впечатление. Люди останавливаются, смотрят на лица своих товарищей, радуются за них. Так поступает умный директор.

Человек неумный выставляет фотографии один раз в году и уже не снимает их. Они постепенно выцветают, линяют, бывают засижены мухами, и никто эту доску почета уже не замечает. Она утратила свою праздничность. Вот что значит умело и неумело пользоваться средствами пропаганды.

К сожалению, мы мало на это обращаем внимания, но именно это и дает пищу сатирику...

...Так постепенно становится понятным, как возникали образы, имена которых стали нарицательными, а реплики крылатыми. Таков руководитель-обещалкин, которого артист увековечил знаменитым «бу... сде!». Хозяйственник — прохиндей, у которого свои методы борьбы за «качество и количество». Приспособленец, который считает, что «уважительные» отношения между людьми могут быть только тогда, когда существует «дефцит».

Беседуя с Аркадием Исааковичем, видя его застенчивую улыбку, я невольно ловил себя на мысли, что понимаю теперь, почему зрители так тепло и восторженно встречают его. Аркадий Райкин на сцене — не только любимый актер, но и близкий товарищ, с которым можно мысленно поговорить по душам о волнующем и значительном, который всегда охотно делится с другими тем, что им пока, может быть, еще неизвестно, а его зоркий глаз сатирика и художника уже подметил.

По-разному именовались программы, которые Аркадий Райкин предлагал нашему вниманию на протяжении своей сорокалетней артистической деятельности. Программа, которую он показывает сегодня, называется: «...зависит от нас». Публика, помня Райкина по прошлым маскам, его остроумам, шуткам, хлестким словечкам, готова смеяться и на сей раз. Но вот он начинает говорить. Негромко, доверительно, и уже не только веселый, искрящийся юмор захватывает зал. Сидящие в нем призадумываются: а что же и в самом деле зависит от нас, чтобы ничего подобного не было в нашей жизни. Один ответ напрашивается из всего, показываемого Аркадием Райкиным: не быть равнодушным к недостаткам в жизни, всегда и всюду выступать против зла. Как артисту, выступающему в жанре сатиры и юмора, ему, конечно, приятно, когда в зале возникает заразительный смех. Значит, публика разделяет позицию актера.

— Но больше всего я все-таки ценю секунды полнейшей тишины, — признается Аркадий Исаакович. — Тогда чувствую, что зрительный зал думает. Побудить человека задуматься — в этом ведь и назначение искусства.

В школьные годы Аркадий Исаакович увлекался живописью. Был постоянным посетителем картинных галерей. Рисовал и сам.

— Любил я с детства и театр, участвовал в самодеятельности. В один прекрасный день нужно было решать: куда идти учиться. Как видите, живопись забросил, выбрал сцену, и для другого времени уже не остается.

Актерскую профессию А. Райкин считает своего рода общественной деятельностью.

— Если не сказать сегодня о животрепещущих проблемах жизни, то когда? Если не скажу, буду чувствовать, что сделал в своей жизни не все, что мог.

Помолчав, Аркадий Исаакович замечает:

— Поскольку сатира — оружие, с ней надо обращаться осмотнительно. Смеяться надо с позиций добра. В противном случае сатира может обратиться в зубоскальство, а то и злопыхательство. Ни в коем случае нельзя, показывая отрицательный персонаж, как бы потирать ручки. Когда артист, создавая его, внутренне радуется и получает удовольствие от того, что имеет возможность показать себя благодаря существованию таких типов, — это уже не искусство.

Ил. ОКУНЕВ.

Фото М. СВИЩЕВА.